

2009-5
8047 а

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Леонид Михайлович

ИВАНОВ

Личность
и научное
наследие
историка

Сборник статей
к 100-летию со дня рождения

Москва
РОССПЭН
2009

ВТОРЖЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИЮ: АКТ ПЕРВЫЙ

Чисто внешне Леонид Михайлович Иванов ничем не напоминал о «киношном» облике ученого и казался простоватым. Проницательность его ума, как и цельность устремлений можно было распознать лишь со временем. И, конечно, это было не под силу претенциозному аспиранту, каковым я предстал перед ним.

Знакомство началось с выбора темы диссертации. Мои предложения, относящиеся к культуре «серебряного века», были отвергнуты сразу («время еще не пришло»), и это было справедливо и разумно. До сих пор не могу понять, как вдруг выскочил из памяти «легальный марксизм»¹, с какой стати потянуло меня на сюжеты, слишком основательно пересекающиеся с большевизмом? От последнего (точнее от истории КПСС) — в то время шел 1967 год — становилось кисло, как от старой квашенной капусты.

Мой научный руководитель — Марк Самойлович Волин, блестящий знаток истории большевизма (он упорно пытался сосчитать количество большевиков в России в феврале 1917 г. и никак не мог сколь-либо приблизиться к официальной цифре), впрочем, вовсе не производил занудливого впечатления. Насколько искренне он был убежден в «исторической правоте» марксизма-ленинизма, я так и не понял — для человека, безоговорочно уверовавшего в догму, у него были слишком мудрые глаза. В свое время при обсуждении «Краткого курса» он пытался указывать на фактические ошибки, что закончилось ничем — хотя «священное писание» не допускало сомнений, за еретика его не посчитали, тем более что время «борьбы с космополитизмом» еще не подошло.

Итак, выбор темы решился почти мгновенно. Но относительно круга проблем, сопряженных с ней, ясности не прибавилось и к настоящему времени.

Со времен «Краткого курса» во всех советских учебниках истории непременно упоминались «легальные марксисты». Присутствие в русском освободительном движении П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка и др. подавалось более чем странно. С одной стороны, следовало усвоить, что эти буржуазные либералы «при-

мазались» к «самой передовой теории», чтобы выхолостить ее в угоду реакции. С другой — можно было узнать, что автором Манифеста 1-го съезда РСДРП (1898) был Струве — тот самый человек, который четыре года назад в легально опубликованной книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» призвал «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму». Теперь же он провозглашал, что ново-рожденная российская социал-демократия считает себя наследницей «Народной воли», то есть революционно-террористической организации.

История вторжения марксизма в Россию — а он, действительно, до сих пор кое-кому кажется незванным гостем — напоминает цепь тех самых парадоксальных случайностей, которые со временем имеют обыкновение вырастать в символические величины. Этот феномен связан с поколением людей, родившихся в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Примечательно, что Струве и Ленин ровесники — первый старше второго всего на три месяца.

Самый термин «легальный марксизм» — порождение лексики революционного подполья. Все, что находилось за пределами последнего, людям диссидентского склада казалось подозрительным и «неистинным». Этот взгляд унаследовали творцы первой в мире «социалистической» революции, а затем их представления легко внедрились в традиционалистски-утопическое сознание советских людей: считалось, что легальные манипуляции «самым передовым учением» во времена царизма могли позволить себе только люди, склонные к ревизионизму, ренегатству, а то и просто провокаторству. Феномен «веховства» окончательно закрепил это представление. Так, термин, снабженный дурной коннотацией, укоренился в истории.

Целая плеяда незаурядных людей своего времени вошла в историю с клеймом предательства. Вряд ли можно упрекнуть в этом Струве: его книга до такой степени пестрела цитатами из всевозможных «авторитетов», что народники обозвали ее «плодом плохо переваренной эрудиции», а В.И. Ленин — произведением «буржуазного объективизма». В советское время жупел «объективизма» стал подобием ярма на шее историка. Исследователи не раз пытались избавиться от него и, заодно, восстановить «историческую справедливость» применительно к «легальным марксистам», но их усилия лишь порождали новые и новые ряды вопросов.

О теории Карла Маркса в России было известно задолго до Ульянова (Ленина). О ней упоминали отдельные представители либеральной профессуры, старавшиеся не отставать от европейских «передовых идей»; а ее творца почитали русские народники, причем некоторые из них (и, прежде всего, Г.В. Плеханов) кардинально поменяли затем свои взгляды и занялись пропагандой марксизма в эмиграции. Охранителей Российской империи марксизм практически не волновал. Даже колоссальные легальные успехи германской социал-демократии, с начала 1890-х гг. начавшей стремительно наращивать свое представительство в Рейхстаге, не вызывали беспокойства. Россия считалась аграрной страной, а после голода 1891–1892 гг. стало ясно, что новая пугачевщина не предвидится — крестьянство и не думало бунтовать. Беспокойство властей вызывали разве что террористы (которые водились везде и всегда), да земские либералы, настырно посягавшие на патерналистские прерогативы самодержавия.

Системной внутренней угрозы тогдашний режим не мог разглядеть — всякая вырождающаяся государственность «слепнет». В свое время было принято считать, что государственный сыск «проглядел» марксизм, сочтя его безобидной экономической теорией. На деле репрессивная машина не умела «уловить» идею, разглядеть ее разрушительный потенциал, ибо была натаскана лишь на определенный тип людей и организаций — террористов, анархистов, либералов. Ведь всякая бюрократия беззащитна именно против идей. Так и случилось; агрессия идеи состоялась.

Как ни парадоксально, террористы и либералы были в России людьми «одной крови» — те и другие жаждали кардинальных изменений, не представляя себе их возможных последствий. Но если первые говорили власти: «Уступи, или я стрелять буду», то вторые кивали на первого: «Уступи, иначе он стрелять будет». Разница была и в том, что революционеры, в отличие от либералов, полагали, что следует, прежде всего, крушить старое, ибо «разрушение тоже созидание». Впрочем, и К. Маркс с Ф. Энгельсом признавали террор «исторически неизбежным способом действия», Г.В. Плеханов не отставал от них, а относительно В.И. Ленина и говорить не приходится.

В империи, где никогда не было ни полноценных отношений собственности, ни даже общества в европейском смысле слова, власть всегда рисковала остаться наедине с людской массой, подверженной внешним идейным инфекциям. Впрочем, понимание

этого не снимает вопроса: почему столь «заразным» в России стал именно марксизм, каковы пути оседания его в «недогражданственных» и тем более традиционалистских умах?

В конце XIX в. российская интеллигенция пребывала в доктринальном смятении. «Мы были толстовцами и радикалами, политиками и социалистами»², — вспоминал Струве о настроениях студенчества начала 1890-х гг. Похоже, так и было. В книге О.В. Будницкого о терроризме в России³ имеется специальное приложение, где среди прочих документов из Гуверовского института мира, войны и революции содержится копия текста, принадлежащего Ленину (вряд ли можно в этом сомневаться). Документ не просто подтверждает, что «вождь пролетариата» поначалу разделял взгляды народолюбцев. Это аргумент в пользу того, что персональная готовность к насилию в соединении с уверенностью в непреложности законов «прогресса» может оправдать «массовидный» террор.

В ментальном тумане часто ищут «спасительные» ориентиры. Ф. Гизо, на опыте Французской революции, доказывал, что «никакая идея, никакая частная сила... не владеет миром, не организовала его раз навсегда по известному шаблону, не изгнала из него все другие устремления, не завоевала себе исключительного господства в нем»⁴. Российские интеллигенты исходили из противоположного — им требовалась «окончательная» теория, способная стать верой. Между тем, любая абстрактная социальная доктрина, зацепившись за людские души, способна сформировать пространство утопии, а со временем, вернувшись в интеллигентскую среду, превратиться в устойчивую мифологию. Сознание образованных людей в России уже давно притягивала идея «революции-реформы». Вокруг этой *idée fixe* вертелись «ортодоксы» и «еретики», догматики и критики, доктринеры и фантазеры, а то и просто бесшабашные искатели «истины». Во времена общественных неурядиц последние приковывают всеобщее внимание, ибо указывают путь (как всегда, ложный) к некоему идеалу. А в это время, по утверждению С.Л. Франка, «большинство русских людей веровало в революцию вообще и мечтало о ней»⁵.

Позднее все марксисты 1890-х гг. уверяли, что в легальной печати они «не договаривали», ибо цензура не позволяла этого делать. Однако недоговоренность в деструктурированном социальном пространстве лишь расширяет пространство утопии. Впрочем, чего мог не договаривать Струве с его повадками *enfant terrible*?

Его можно упрекать в чем угодно, но не в недостатке искренности. Строго говоря, Струве можно отнести к редкому числу «состоявшихся вундеркиндов», причем «удачливому» исключительно благодаря обстоятельствам. Он был существом увлекающимся. В 14 лет в дневнике он объявил себя славянофилом и «либералом почвы», сторонником самодержавия и «народного представительства», а также противником бюрократии⁶. В студенческие годы, напротив, высказывал совсем иные взгляды, а однажды даже оппонировал В.С. Соловьеву. «Оратор, волнуясь и заикаясь, говорил о подвиге Желябова и Перовской и призывал нас сказать Владимиру Соловьеву прямо, что мы считаем себя продолжателями их дела и что то, что он называет бессмысленными злодеяниями, мы считаем "подвигами". Эта мысль и была выражена в протесте, который он нам предлагал подписать...»⁷, — таким он запомнился Ю. Мартову. В.В. Розанов вспоминал, что, когда он публично обозвал Желябова «дураком», Струве накинулся на него «с невероятной злобой», хотя сам говорил о революционерах вещи, которые «я себе никогда не позволял»⁸. Даже в редакционной статье либерального «Освобождения» Струве утверждал, что истинными виновниками провала либерального правительственного курса являются не террористы, а те, кто удерживал слабовольного Александра II от завершения реформ⁹. Через год он высказался еще яснее: «Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями... главный виновник всех политических убийств»¹⁰.

Что же поменяло ориентацию и самый стиль мышления Струве? «К чисто научной деятельности я не способен... — писал в 14 лет этот сын экс-губернатора. — Я терпеть не могу философии и вообще не признаю никаких философских убеждений, но исповедую только религиозные и политические... Философия человеческой мысли, логика — нечто вообще не нужное»¹¹. Так, «по-писаревски» считали многие народники. В студенческие годы Струве, порвавший со своей средой, «резко протестовал против призывов не к общественной деятельности, а к метафизике». Его суждения о Владимире Соловьеве свидетельствовали о негодовании «против самой постановки вопросов не с классовой точки зрения»¹². Трудно было вообразить, что струвистам суждено вернуться и к «метафизике», и к Владимиру Соловьеву, и даже к православию. Однако в этом нет ничего необычного, ибо людей, готовых объявить нелепостью все не соответствующее их сегодняшним умонастроениям, на Руси всегда было в избытке. Стадность мысли, характерная для «недо-

социализованных» людских сообществ, способна захватить даже «критичные» умы — отсюда известное по сей день «обезьянничанье» русской интеллигенции (Г.В. Плеханов).

Насколько широким оказалось марксистское поветрие 1890-х гг.? С чего оно началось? Насколько глубокие корни пустило? Какие и куда?

Существует точка зрения, что «в 1897–1901 гг. единого марксистского движения в России не существовало и все его публичное присутствие было теснейшим образом связано с газетно-журнальными и издательскими инициативами, безусловным лидером... которых был Струве»¹³. Формально именно так и может показаться. Согласно агиографическому сочинению Р. Пайпса, «легальный марксизм» оказался случайным грехопадением людей куда более возвышенного, нежели данная теория, склада¹⁴. Но почему? Один из ортодоксально марксистских современников заметил, что «социальная функция идеологии и состоит в том, чтобы создать... "мечту", разукрасить ее, сделать богатой, сложной», со многими «щупальцами», проникающими в мозг и душу внушаемого»¹⁵. Марксизм в России сыграл именно такую роль.

Понятия, управляющие людским мышлением, — не просто безобидные порождения свободного ума. Они влияют на повседневную деятельность, структурируют человеческие ощущения, поведение, отношение к другим людям¹⁶. С другой стороны, вложенные в концепты метафоры — а без них никогда не обходится — активизируют бессознательное со всеми вытекающими отсюда последствиями¹⁷. Любые социальные теории имеют обыкновение приобретать особую эмоциональную, нравственную и даже эстетическую окраску, соответственно традиции. К моменту вторжения марксизма в Россию в мозгах русской интеллигенции метафоры давно перемешались с концептами в силу имманентной склонности превращать эмоции в теории. Между тем всякая социальная инновационность требует своей естественной точки приложения в обществе. В России тем временем возникали всякого рода сообщества, составлявшие своего рода антипод зачаткам гражданского общества. В.В. Воровский в 1902 г. вычленил различные типы революционеров: первый тип от своей мертвящей «пошлой» обстановки апеллирует к воображаемому «обществу»; второй тип, больно ощущающий свою отверженность от общества, апеллирует к свободе личности¹⁸. К марксизму тянулись психологически очень разные люди.

Разумеется, сыграл свою роль и кризис народничества. «... Никто (из народников — В.Б.) не положит душу за “мужика”», но многие готовы это сделать «за свою мечту о мужике, за свой “призрак”, как говорил Ницше, за свой символ, свой идеал», — писал цитируемый «ортодокс»¹⁹. Служить «прогрессу», проще говоря, куда комфортнее, чем «служить народу». В этом смысле марксизм мог помочь очень многим: можно было укрепиться на эволюционистских позициях, позволяя себе социалистические эскапады — «общая теория прогресса» это позволяла.

С.Н. Булгаков стал студентом Московского университета в 1890 г. Он поступил на юридический факультет по причине «интеллигентской стадности», вопреки тому, что его влекла сфера «филологии, философии, литературы»²⁰. Похоже, он действительно не принимал участия в тогдашних студенческих кружках²¹ и с полным основанием мог заявить, что марксизм подходил ему «как корове седло»²². Впрочем, ко времени зачисления преподавателем Московского технического училища Булгаков имел устойчивую репутацию марксиста, однако характеризовался как человек «дельный и серьезный», которому можно доверить кафедру. Своих убеждений он не скрывал²³. Трудно было ожидать иного от сына провинциального священника — его отталкивала «поповская» среда с ее унылым пьянством и нуждой многодетности. Позднее он принял, однако, священнический сан: бывают времена, когда человек «выворачивается наизнанку», прежде чем стать самим собой. В начале XX в. считалось нормальным, что 20-летние революционеры в 40 лет становятся либералами. Конечно, были исключения — вера деспотична, а свободу совести (в широком смысле слова) могли позволить себе лишь люди, независимые от добывания хлеба насущного.

Н.А. Бердяев происходил из аристократической семьи — многие выходцы из нее склонны к фрондерству. В 1894 г. он поступил на естественный факультет Киевского университета, а через год перешел — вероятно, по тем же причинам, что и Булгаков, — на юридический, где и примкнул к марксистам. В марте 1898 г. он был арестован как социал-демократ²⁴, хотя менее всего склонен был стесняться себя рамками партийности. Во время следствия он получил разрешение на поездку в Петербург (сыграли свою роль личные связи), где встретился со Струве. Трудно сказать, насколько они ощутили себя конгениальными, но в начале 1900 г. Бердяев признавался ему: «Я прирожденный метафизик... Мое самое

страстное желание — это поднять марксизм до заоблачных высот, придать ему, в конечном счете, идеалистический характер»²⁵. По его мнению, «по сравнению с... либерализмом, устанавливающим вечные цели, социализм лишен самостоятельного идейного содержания...»²⁶. Мысль для русского интеллигента необычная, причем в нее была вложена искренняя страсть. До конца жизни Бердяев был склонен к левачеству — скорее эпатирующему, нежели политическому.

Другие «легальные марксисты» — наиболее заметных фигур можно насчитать до дюжины — были людьми самого различного происхождения и темперамента. Наиболее видные из них в 1902 г. публично отказались от марксистских воззрений в сборнике «Проблемы идеализма», а окончательно прописались в истории благодаря антиинтеллигентским «Вехам» (1909) — сборнике, вызвавшем негодование и либералов, и революционеров. Впрочем, для массового сознания имела значение не торопливая эволюция их взглядов, а созданный ранее «прогрессивный» имидж. В марксисты, кстати, записывали и П.Н. Милюкова, не говоря уже о либеральных экономистах того времени.

«Доктрины-утопии» — а именно они взъярили массы в XX в. — тираничны даже по отношению к собственным творцам, не говоря уже об их последователях. Тех, кто пытается вырваться из их притяжения, обычно ждет незавидная слава.

Каковы же масштабы деятельности «легальных» марксистов 1890-х гг.? Судить об этом приходится скорее по косвенным признакам. Так, в начале 1890-х гг. заметно активизировалась деятельность Вольного экономического общества (ВЭО), причем наиболее радикальные его деятели сгруппировались в III отделении (сельскохозяйственная экономия и статистика), где издавна участвовали земцы²⁷. В 1894–1895 гг. в это отделение было принято 52 новых члена, тогда как за четыре предшествующих года — всего 24²⁸. Известный историк революционного движения В.Я. Богучарский (также потянувшийся к марксизму) писал, что союз земцев и марксистов — более чем многозначительный для истории русской политической мысли — сложился именно в III отделении ВЭО, а также в Комитете грамотности²⁹. Разумеется, полагать, что почтенные земцы сделались рьяными приверженцами Маркса, вряд ли стоит. Но идею «прогресса» и «эволюции» они, скорее всего, стали воспринимать по-новому — с многозначительной оглядкой на «союзников слева».

Характерно свидетельство о деятельности ВЭО С. Цедербаума, брата Ю. Мартова (1897). На его заседаниях «бывает весь “цвет” нашего передового общества», при этом «наибольший интерес возбуждают прения, героями которых являются... Родичев, Анненский, Струве, Туган...», — свидетельствовал он. При этом Струве «по существу дела говорит немного, но пользуется удобным случаем, чтобы выразить свои взгляды вообще». Как результат, «марксистские мнения... до того распространены в петербургском обществе, особенно среди учащихся, что на все студенческие балы и концерты Струве и Туган получили почетные билеты. Технологи хотели послать почетные билеты (их всего 10 для литераторов)... Бельтову (Г.В. Плеханову — *В.Б.*), Струве, Тугану, Потресову и Тулину (В.И. Ульянову (Ленину) — *В.Б.*), но остановило их... то обстоятельство, что в прошлом году из-за почетных билетов отменили концерт»³⁰.

Конечно, в общественном мнении грани между «легальными» и «нелегальными» марксистами не существовало. Напротив, те и другие подогревали интерес друг к другу. Кстати, студенты «технологи» всегда — даже в 1917 г. — отличались марксистской левизной. В век торжествующего индустриализма «классовое учение» не могло не привлечь людей, склонных к механистичным представлениям об общественных отношениях.

Несомненно, в популярности Струве сыграло свою роль его «Открытое письмо» Николаю II. Едва вступив на престол, нервный молодой император во время приема земских либералов, трепетно намекнувших на желательность реформ, сделал поистине роковую «оговорку по Фрейду»: вместо слов о «беспочвенных» мечтаниях просителей, он назвал их «бессмысленными». Это было за пределами тогдашней политкорректности, и воспользовавшись этим, Струве от лица общества пригрозил царю борьбой, которая «не заставит себя ждать»³¹.

В редких мемуарах, описывающих общественную жизнь 1890-х гг., не упоминаются «споры марксистов и народников» — они возникали повсеместно, от либеральных салонов до тюремных камер. Но обычно мемуаристы умалчивают о конкретных сюжетах споров. Возможно, это и не имело значения — каждый под видом доктрины отстаивал свой — «единственно верный» — взгляд на пути «прогресса» в России.

Некоторые народники под влиянием «легальных марксистов» меняли свои взгляды. По свидетельству сестры Ю. Мартова, один

из «столпов народничества» в 1898 г. признавался: «Два года тому назад я со многими вашими воззрениями был не согласен, а теперь подписываюсь под всем, за исключением частных»³². Сообщали также о том, что от моды на марксизм старались не отстать и некоторые либеральные профессора³³.

Считается, что на руку марксистам сыграли знаменитые петербургские рабочие стачки второй половины 1890-х гг. Однако легальный имидж марксистской доктрины — и, соответственно, его привлекательность для людей умеренных — укрепился в силу того, что она стала ассоциироваться с социал-демократией реформистского типа. Благодаря Струве в России появилось множество поклонников Э. Бернштейна (хотя «легальные марксисты не жаловали его за «филистерство»). По некоторым данным, осенью 1899 г. в Петербурге существовали «три фракции» последователей Бернштейна³⁴ (скорее всего, это были эфемерные величины). Осенью 1900 г. М.И. Туган-Барановский был приглашен известным либеральным адвокатом Д.В. Стасовым прочесть лекцию о книге Э. Бернштейна. Собралось около 100 человек, полиция проявила неожиданную бдительность и переписала всех присутствующих. Среди последних оказалась и «некая княгиня», которая «подняла шум по поводу произвола властей, что вызвало восторг либерального общества»³⁵.

Конечно, вторжению марксизма помогли врожденные слабости русской «передовой» мысли. По мнению Иванова-Разумника, благодаря новой доктрине «русская социалистическая мысль вышла, наконец, на верный путь из того позитивистского тупика, в котором она беспомощно толкалась более полувека»³⁶. В.А. Базаров полагал, что струвистский идеализм стал «лестницей» из пошлой обыденщины к «вечно зияющему абсолюту»³⁷ (впрочем, политики склонны не столько тянуться к «абсолюту», как прятаться за него).

Марксизм не просто научил интеллигенцию спрямлять причинно-следственные связи, он осуществил смыкание традиционалистски-сакральных и радикально-прогрессистских мировосприятий. В определенной социально-исторической среде это не могло не иметь катастрофических последствий. Разумеется, до революционной нетерпимости довели этот процесс не «легальные марксисты» — напротив, именно они этого убоялись. Но семена злого неверия в «исторически бесполезное» добро были посеяны — этому способствовал «дух времени». М.И. Пришвин, вспоминая Германию 1900 г., писал: «Я был уверен, что вот-вот совершится

мировая катастрофа, пролетариат всего мира станет у власти и жить на земле будет всем хорошо». И это чувство держалось в нем несколько лет³⁸. Людей диссипативного склада было в России в то время более чем достаточно. Но боязливых до известных пор всегда бывает больше.

Доктрина, претендующая на превращение в веру, как обычно, породила своих «ортодоксов» и «еретиков», мужественных «революционеров» и трусливых «ренегатов». Трудно сказать, чья масса оказалась внушительнее, но в конечном итоге победили наиболее упорствующие.

В свое время струвистов упрекали в том, что они вынудили русскую интеллигенцию отказать от своего бывшего «народолюбия». Вряд ли это справедливо. Уже в эмиграции Струве, ссылаясь на свои «Критические заметки», заявлял, что те, кто пишут о его былом марксизме как о «мужикоедстве», не знают «всей длинной и сложной истории русской общественной мысли». И тут же он добавлял, что революция, произошедшая в России, — это осуществление народнической программы³⁹. Разумеется, в результате революции в России победа оказалась вовсе не за народничеством и даже не за марксизмом, хотя риторика победителей включала и то, и другое. Победила историческая (авторитарная) власть, а помогли удержаться в пространстве русской истории умозрительность и доктринальный догматизм интеллигенции. Революционным доктринерам казалось, что марксизм, в отличие от прочих идеологий, строго научен — соответственно именно он навсегда избавит Россию от самодержавия. На деле русский марксизм стал в один утопический ряд с народничеством.

Уже после своей октябрьской победы В.И. Ленин в беседе с М. Горьким «проговорился»: «Русской массе надо показать нечто очень простое, доступное ее разуму...»⁴⁰. Строго говоря, «вождь мирового пролетариата» всю свою жизнь только этим и занимался — разрушительная теория должна быть проста, как дубина трюгловита. Но начал настоящую работу по ее созданию скорее не он, а П.Б. Струве. Марксисты 1890–1900-х гг. не могли «контролировать будущее». Бердяев, к примеру, задним числом утверждал, что он и другие «идеалисты» были заняты «философским обоснованием революционного социализма»⁴¹. Увы, в России обречен на гибель именно тепличный «идеализм» — ему в принципе не дано найти точки соприкосновения с действительностью, выстраиваемой на иных основаниях. Ведь доктрины, во-

преки ригористам, живут своей собственной жизнью. Марксизм в его революционной ипостаси реактивировал старое как мир ощущение «чужого» в невиданных ранее масштабах: образы (капитализм, буржуазия, эксплуатация и т.п.), которыми он снабжал массовое сознание, исключали согласие между всякими людьми, кроме посвященных. Так, за понятием прибавочной стоимости в известных социумах вставала метафора грабежа, воровства и т.п. (не случайно Ленин, в отличие от Струве, настаивал на переводе немецкого Wert как стоимость, а не как ценность (позитивный образ). А поскольку каждая метафора дает понимание лишь одного аспекта концепта и скрывает остальные⁴², то образ прибавочной стоимости (источника «неправедной» прибыли), изложенный в 1-м томе «Капитала», задвигал на задний план идеи 3-го тома об усредненной норме прибыли, связанной с факторами рынка, а не трудовых затрат. Не удивительно, что со временем учение о прибавочной стоимости вызвало к жизни ленинский призыв: «Грабь награбленное!»).

О том, как В.И. Ленин «разоблачал» струвистов, в свое время (главным образом до середины 1950-х гг.) так называемые историки партии написали массу диссертаций. В них поражал, прежде всего, плотный заряд утрированной ненависти. Как известно, Ленин в 1900-е гг. принялся чествовать Струве то «Иудой», то «теленком» — для него всякий человек, отошедший от «единственно верной теории», превращался либо в коварного предателя, либо в золотушного неврастеника. В последнем Ленин частично был прав — Струве, в отличие от него, плохо переносил тюремную камеру. Но, даже учитывая это, нельзя не признать, что в России бросить вызов господствующим мнениям бывает труднее, чем следовать за «вождями», размахивающими яркими флагами.

Чрезвычайно едкую оценку П.Б. Струве дал А.Д. Троцкий в 1906 г. По его мнению, тот представлял «олицетворенную беспринципность в политике», будучи «совершенно лишен физической силы мысли». Свидетельство тому — «Критические заметки», представлявшие «эклетиическое соединение “критической” философии, вульгаризованного марксизма и подправленного марксизмом мальтузианства». Естественно, такой тип должен был уйти от социал-демократии в «исторически выморочный» русский либерализм с «его неспособностью на инициативу, его отчужденностью от рабочих масс, его трусливым же-

ланием овладеть ими...». Понятно, что ничего иного жесткий социал-демократ написать не мог. Более интересным представляется замечание Троцкого о том, что теоретические взгляды Струве «всегда находились в процессе непрерывного линияния»⁴³. Эти слова напоминают о цитированных высказываниях 14-летнего Струве о том, что к последовательности мыслительного процесса он не способен. Позднее Троцкий высказался еще более проницательно: «Чтобы бороться за конституцию, интеллигенции понадобился идеал социализма»⁴⁴.

Что заставило проделать такой путь неудавшегося поклонника «соборности»? Получается, что Струве (как, впрочем, и марксисты всех разновидностей) изначально занимались самообманом. Ими двигали нетерпение и вера в чудо: критикуя теорию «малых дел» (единственно реалистичную), они противопоставляли ей своего рода революционный катарсис, вызревающий в недрах капитализма. Все случилось проще: марксизм помог утвердиться породе людей, готовых за идею не только страдать самим, но и посылать других на смерть.

Ленин уверял, что Россия «выстрадала марксизм». Струве писал об изоморфности марксизма христианским миропредставлениям с их эсхатологием (аналогом которого стала идея мировой революции), мессианским компонентом (диктатура пролетариата) и хилястическими упованиями (царство коммунизма). Н.А. Бердяев, как известно, сравнивал III Интернационал с Третьим Римом. В действительности невозможно установить, был ли марксизм органически чужд России или это был востребованный духом времени «ориентир». В любом случае религия «освобождения от страдания» может стать направляющей верой в довольно специфичных (но отнюдь не чисто русских) условиях. Для большевистской власти марксизм стал символом веры, с помощью которой старому строю можно было придать inferнальные черты, социальному насилию — сакрально-жертвенное качество, а его плодам — облик «великого свершения». Массам, в свою очередь, марксизм помог сформировать образ врага — аналога нечистой силы в лице «буржуа», а затем «мирового империализма». Впрочем, куда убедительнее звучат слова Струве о том, что Октябрьскую революцию следовало бы сравнивать со Смутой XVII в.⁴⁵ Стоит прислушаться и С.Л. Франку, который писал, что «русская революция по своему основному, подземному социальному существу есть восстание кре-

стьянства, победоносная и до конца осуществленная всероссийская пугачевщина»⁴⁶. Какой же тип марксизма победил в России? Строго говоря, проиграли оба.

В истории труднее всего отделить ситуативное от импульсов большого исторического времени. По мнению Р.В. Иванова-Разумника, «ортодоксальному народничеству и ортодоксальному марксизму это новое критическое течение (последователей Струве — В.Б.) нанесло решительные удары». Стало ясно, что «всякое мировоззрение, не опирающееся твердо на критически продуманную философскую систему, — нежизнеспособно и обречено на гибель»⁴⁷. Увы, востребованность «критического течения» русской историей не просматривается. Однако оно давно привлекло внимание обществоведов. Один западный автор пришел к выводу, что победа марксизма в русской общественной мысли стала победой «диалектического детерминизма», причем детерминизм обосновывал конечное достижение социализма, а диалектика освобождала от сдерживания «капиталистических тенденций». Впечатление от этого заявления портит, однако, стандартная фраза о том, что русская революция представляла собой временное отклонение истории от истинного, закономерного, предопределенного курса⁴⁸. Другой западный автор выразился проще: струвисты были слишком западниками, чтобы иметь успех в такой стране, как Россия⁴⁹. От таких «открытий» становится скучно: прежде чем воздавать хвалу людям, оказавшимся «слишком хорошими» для «плохой истории», стоило бы докопаться до причин их поражения.

Театр русской истории примечателен тем, что одни и те же действующие лица попеременно высвечиваются то оптимистично ярким, то мрачно зловещим цветом. В перестроечное время начался парад новейших почитателей «легальных марксистов». Удивляться не приходится: струвисты делали практически то же самое, что «новые» российские идеологи на похоронах ставшего ненужным марксизма. Но если первые из «властителей дум» были, по меркам Клио, людьми просто безответственными, то вторые куда основательнее заслуживали звания перевертышей.

Историографические «откровения» новых струвистов выглядели довольно несуразно: повторялось, что «легальный марксизм» стал теоретическим источником либерального народничества и «нового либерализма» (небрежная калька с ленинских высказываний), будучи при этом «самостоятельным явлением духа»,

«проявлением либеральной ментальности России»⁵⁰. Заявлялось также, что Бердяева, Булгакова, Туган-Барановского объединяло одинаково негативное отношение и к капитализму, и к социализму⁵¹. В общем был воссоздан весь набор банальностей почти столетней давности. Позднее имена «легальных марксистов» стали растаскивать по кандидатским диссертациям, причем это делалось так, как будто они родились на свет готовыми «веховцами», экономистами, религиозными мыслителями, не знавшими марксистского «греха»⁵². И, конечно, стало модным подчеркивать «мудрость и талант» Струве, а еще больше — его «либеральный консерватизм» (сторонником которого в настоящее время объявляет себя каждый мало-мальски грамотный бюрократ). Естественно, не обошлось без передежек. Так, оказалось, что Струве «всегда выступал сторонником непрерывного эволюционного пути исторического процесса», а в период увлечения марксизмом «особенно ценил в нем идею объективной закономерности, но не принимал его революционно-радикальной стороны и утопизма»⁵³.

Имена экс-марксистов превращались в модные брэнды — кажется, особенно «повезло» Булгакову⁵⁴. О собственно «легальном марксизме» вспоминать перестали, и в центре внимания оказался теперь сборник «Проблемы идеализма»: именно последний будто бы стал результатом глубокой «перемены настроения», захватившей широкие общественно-политические круги. Получается, что «никогда больше слабая попытка узкой группы интеллектуалов выразить свою этическую нужду не вызывала столь неожиданно сильной, сочувственной и враждебной, обширной и непредсказуемой цепной реакции во всех лагерях общественной мысли...»⁵⁵. И что изменилось? Для России куда большее значение имел факт грубого внедрения марксизма в интеллектуальную среду 1890-х гг., нежели «высокнравственные» попытки исправить сделанное по неведению. Впрочем, стоит ли обращать внимание на авторов, не видящих иной «исследовательской» задачи, кроме облизывания полюбившихся им героев или сюжетов?

Массы усваивают не теории, а утопии, особенно наукообразные. «Легальные марксисты» поняли это слишком поздно. Незадолго до октябрьского переворота Струве назвал большевизм «смесью Карла Маркса с русской сивухой». Процесс использования этого гремучего коктейля описать нетрудно. Куда сложнее понять, что заставило незадачливого алхимика русского либерализма приступить к его изготовлению. Нет ничего более раз-

рушительного в истории, чем оппозиция, которой не оставили ничего иного, как уверовать в непреложность подхваченных где-то на стороне идей. Российская государственность сама по себе воспроизводит людей, не ведающих творимого. Правда, самые талантливо-беззаботные из них быстрее других пугаются побочных последствий своих былых умствований, однако нейтрализовать их они уже не в состоянии. «Отношение масс к известной идее — вот единственное мерило, по которому можно судить о степени ее жизненности...», — заметил в свое время М.Е. Салтыков-Щедрин. Из этого, впрочем, не следует, что «жизненность» — синоним долголетия в пространстве — *longue durée*. Бывают времена, когда даже людей недюжинного ума начинает подобно щепке мотать в потоке людских метаний. И тем из них, которые добились признания, бывает особенно трудно сойтись в том, что не они управляли событиями, а сама взбаламученная действительность кидала их из стороны в сторону. Не они маркируют эпоху, а эпоха ставит на них свою печать — эфемерного триумфа или якобы очевидного поражения. Но еще нелепее выглядят историографы, суетно поносящие или превозносящие их в видах личного самоутверждения.

Но времена меняются быстрее человека. Для одних пространство общественной мысли становится ярмаркой тщеславия, на которой можно выбрать нечто соответствующее претензиям собственного историографического нарциссизма; для других — нечто вроде ремесленного цеха для производства «проходных» диссертаций на «актуальную» тему. Однако бегство от «всеобъясняющей» теории может иметь не менее пагубные последствия, чем ее вторжение в слабые людские умы. Поэтому историку не стоит спешить ни с возвеличиванием «победителей», ни с возведением монументов «незаслуженно забытым» фигурам прошлого.

Не только у каждого поколения россиян XX в. был свой «марксизм»; «свой» его разновидности обретали люди различного духовного склада, темперамента, ментальности — он был не теорией, а верой, связанной с определенной культурно-исторической средой. Людей военного поколения «сталинский» марксизм уже не устраивал, послевоенное поколение постепенно перестало воспринимать марксизм как таковой. И потому столь трудно понять, какой историко-психологический тип представляли собой люди, которые, глянув в лицо капитализма, вольно или невольно заминировали российское духовное пространство.

Сегодня можно не сомневаться, что Л.М. Иванов разглядел в феномене «легального марксизма» нечто многозначительное, лежащее далеко за его фактологическими пределами. Дыхание метаистории улавливают настоящие исследователи. Но как правильно прочесть ее туманные тексты и переложить их на понятый язык современности?

- ¹ К тому времени на эту тему на Западе уже были написаны специальные исследования (см.: Mendel A. *Dilemmas of Progress in Tsarist Russia. Legal Marxism and Legal Populism.* Harvard University Press. 1961; Kindersley R. *The First Russian Revisionists. A Study of "Legal Marxism" in Russia.* Oxford, 1962), но об их существовании я еще не знал.
- ² Россия и славянство. 1930. 20 сентября.
- ³ См.: Будницкий О.В. *Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология* (вторая половина XX — начало XX в.). М., 2000.
- ⁴ Гизо Ф. *История цивилизации в Европе.* Минск, 2005. С. 45.
- ⁵ Франк С. *Из размышлений о русской революции // Русская мысль.* 1923. Кн. VI–VIII. С. 241.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.
- ⁷ Мартов Ю. *Записки социал-демократа.* Кн. 1. Берлин, 1922. С. 76.
- ⁸ Розанов В.В. *Уединенное.* М., 1990. С. 309–310.
- ⁹ От редактора // *Освобождение.* 1902. 18 июня (1 июля).
- ¹⁰ Струве П.Б. *Кто притупляет общественное сознание? // Освобождение.* 1903. 19 мая (1 июня). С. 410.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 13, 19.
- ¹² Воден А. *На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма.* 1927. Т. 3. С. 76–77.
- ¹³ Колеров М.А. *Сборник «Проблемы идеализма».* М., 2002. С. 60.
- ¹⁴ См.: Pipes R. *Struve: Liberal on the Left.* Cambridge (MA). 1970; *Ibid. Struve: Liberal on the Right.* Cambridge (MA). 1980.
- ¹⁵ Юшкевич П. *Мировоззрение и мировоззрения (очерки и характеристики).* СПб., 1912. С. 18.
- ¹⁶ Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем.* М., 2004. С. 25.
- ¹⁷ См.: Эрикссон М., Росси Э., Росси Ш. *Гипнотические реальности. Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения.* М., 1999. С. 250–252.
- ¹⁸ Воровский В.В. *Литературно-критические статьи.* М., 1956. С. 58.
- ¹⁹ Юшкевич П. *Указ. соч.* С. 18.
- ²⁰ Булгаков С.Н. *Автобиографические заметки.* Париж, 1949. С. 36.
- ²¹ См.: Ткаченко П.С. *Московское студенчество в общественно-политической жизни России во второй половине XIX века.* М., 1958.
- ²² Булгаков С.Н. *Указ. соч.* С. 36.
- ²³ ГА РФ. Ф. ДП-ОО. 1900. Д. 1014. Л. 2.

- ²⁴ Былое. 1917. № 5–6 (27–28). С. 83.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 45. Л. 128.
- ²⁶ Там же. Л. 142.
- ²⁷ См.: Булдаков В.П. «Легальный марксизм» и Вольное экономическое общество // *Проблемы отечественной истории.* Т. 1. М., 1973.
- ²⁸ Императорское Вольное Экономическое Общество. *Отчет о деятельности за 1900 год.* СПб., 1901 (Приложение о составе ВЭО).
- ²⁹ РГАЛИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 15. Л. 10 (письмо историку земского движения И.П. Белокопскому).
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 37276. Л. 10–12.
- ³¹ См.: Бурцев В. *За сто лет. 1800–1896.* Лондон, 1897. С. 276.
- ³² РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 37289. Л. 10.
- ³³ Там же. Д. 37279. Л. 32.
- ³⁴ Там же. Д. 37281. Л. 24.
- ³⁵ Листок «Рабочего дела». 1900. Женева. № 4. С. 12.
- ³⁶ Иванов-Разумник Р.В. *История русской общественной мысли.* В 3-х томах. Т. 2. М., 1997. С. 187, 190.
- ³⁷ Базаров В. Судьбы русского «идеализма» за последнее десятилетие (От «критического марксизма» к «Вехам») // *Из истории новейшей русской литературы.* М., 1911. С. 153.
- ³⁸ Пришвин М.И. *Дневники.* 1918–1919. М., 1994. С. 74.
- ³⁹ Струве П.Б. *Дневник политика (1925–1935).* М.–Париж, 2004. С. 413, 414.
- ⁴⁰ Горький М. *Собр. соч.* Т. 18. М., 1963. С. 273.
- ⁴¹ Бердяев Н.А. *Самопознание. Опыт философской автобиографии.* М., 1991. С. 123.
- ⁴² Лакофф Дж., Джонсон М. *Указ. соч.* С. 239.
- ⁴³ Тахоцкий [Троцкий] Л. *Господин Петр Струве в политике.* СПб., 1906. С. 3–4, 7.
- ⁴⁴ Троцкий Л. *Литература и революция.* М., 1991. С. 265.
- ⁴⁵ Струве П. *Размышления о русской революции.* София, 1921. С. 32–33.
- ⁴⁶ Франк С. *По ту сторону «правого» и «левого».* Париж, 1972. С. 8.
- ⁴⁷ Иванов-Разумник. *Указ. соч.* С. 190, 209.
- ⁴⁸ Mendel A. *Op. cit.* P. 104, 233.
- ⁴⁹ Kindersley R. *Op. cit.* P. 221.
- ⁵⁰ Кетова Л.П. *Марксизм как теоретический источник либерального народничества и «нового либерализма» // Россия в XIX — начале XX века.* Ростов-на-Дону, 1992. С. 27–28; она же. «Легальный» марксизм в интеллектуальной жизни России (С.Н.Булгаков, П.Б. Струве). Автореферат диссертации... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1992. С. 11.
- ⁵¹ Смирнов И.П. «От марксизма к идеализму»: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995. С. 5, 221.
- ⁵² См.: Куляскина И.Ю. *Проблема социализма в русской религиозной философии.* Благовещенск, 2001; Матвеева Н.Ю. *Социологическая концепция С.Н. Булгакова.* М., 2002; Мосолова Л.В. *Проблема человека в философии С.Н. Булгакова.* М., 2002; Героизм и подвижничество. Творчество С.Н. Булгакова в современном дискурсе. Киев, 2005.

- ⁵³ Вандалковская М.Г. П.Б. Струве и его «Дневник политика» // Струве П.Б. Дневник политика. С. 7.
- ⁵⁴ См.: Героизм и подвижничество. Творчество С.Н. Булгакова в современном дискурсе. Киев, 2005. При этом наметилась поразительная тенденция. На проведенной к 125-летию С.Н. Булгакова конференции в МГУ почти все (28) статьи имели непосредственное отношение к его личности (см.: Творческое наследие С.Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание. По материалам междунауч. конференции. Под ред. Ю.М. Осипова и Е.С. Зотовой. М., 1996), а через десять лет на VIII Социологических чтениях в Пензе, посвященных 135-летию того же Булгакова, о нем вспомнили только в первой (из 33), крайне невыразительной статье (см.: Тугаров И.Б. Вопросы социальной политики и философии хозяйства С.Н. Булгакова // VIII Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов, посвященные 135-летию со дня рождения С.Н. Булгакова. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 2006. С. 5–8).
- ⁵⁵ Колеров М.А. Указ. соч. С. 212, 215.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ 3

ВОСПОМИНАНИЯ

- С.В. Тютюкин.* Россия стоит на Ивановых 5
- И.М.Пушкарева.* Видный ученый и организатор исторической науки 12
- В.А.Твардовская.* Леонид Михайлович Иванов: вблизи и издалека 33
- Т.К.Гуськова.* Таким он остался в моей памяти 44
- В.В.Шелохаев.* Мой научный руководитель 49

СТАТЬИ

- Н.А.Иванова.* Леонид Михайлович Иванов и его детище 59
- Т.М.Китанина.* Источники формирования промышленных рабочих в первой половине XIX века (губернии Европейской России) 92
- С.И.Потолов.* Рабочие Петербурга в конце XIX века (статистико-экономический анализ). 106
- Т.К.Гуськова.* Состав и численность рабочих горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Нижнетагильского горнозаводского округа) 122
- В.П.Зиновьев.* Индустриальные рабочие Сибири в XVIII — начале XX в.. 140
- А.В.Ушаков.* Интеллигенция и рабочие Москвы в конце XIX — начале XX в.. 159

- В.П. Желтова.* Апрельские стачки протеста 1912 г.: к вопросу о численности бастующих 168
- В.П. Булдаков.* Вторжение марксизма в Россию: акт первый 182
- С.В. Тютюкин.* Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и русская революция 201
- И.С. Розенталь.* О российской многопартийности и «ликвидаторстве» 212
- А.П. Корелин.* Последний съезд Объединенного дворянства 221
- В.Я. Гросул.* Российские дипломатические представители на Балканах в первой половине XIX в. 244
- СПИСОК ТРУДОВ А.М. ИВАНОВА 262